

Илья Новак

Другое место

*Часть сборника
Русская фантастика 2007*

Илья Новак

Другое место

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157517
Русская фантастика 2007: Эксмо; М.; 2007
ISBN 5-699-19741-9*

Аннотация

«Свет, проходя сквозь загустевшую атмосферу, становился грязно-желтым, почти ржавым. Он висел в воздухе туманной пеленой и уже не озарял, но *высвечивал*, выхватывал из пространства отдельные предметы, скрадывая очертания остального.

– Я хочу работать! Отпустите, я могу работать! – Голос был молодой, сильный и звонкий...»

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

4

15

Илья Новак

Другое место

1

Свет, проходя сквозь загустевшую атмосферу, становился грязно-желтым, почти ржавым. Он висел в воздухе туманной пеленой и уже не озарял, но *высвечивал*, выхватывая из пространства отдельные предметы, скрадывая очертания остального.

– Я хочу работать! Отпустите, я могу работать! – Голос был молодой, сильный и звонкий.

Пан не пошевелился. В черных шариках, напоминающих матовую отливку из металла, а не глаза разумного существа, тонкими струйками плеснулись две спирали белых искр. Живая тележка вздрогнула и остановилась, когда пан придал ей нижней конечностью.

– Отпустите!

Донесся писк рабской гусеницы. В тумане возникла темная масса, она медленно приближалась по широкой земляной дороге, окруженной ноздреватыми стенами барачков. Дверей в них не было, только отверстия разных форм и размеров – привлеченные криком, оттуда выглядывали полуголые люди. Они молча провожали взглядами гусеницу, кото-

рая медленно двигалась сквозь туман, как паром по реке.

Пан шевельнулся, тележка задрожала от боли. Сетка из тонких древесных прутьев придавала ее розовой мягкой плоти форму, удобную для наездников. Три хитиновых колеса повернулись, и пан обратился глазами к дороге. Его сопровождали два бригадира, как их называли в поселении Бра: вооруженный берцовой костью рыжий бородач и жилистая высокая женщина с длинными черными волосами.

– Не хочу, не надо!

На широкой спине гусеницы, внутри периметра из твердых роговых пластин с наждачной поверхностью, людей было столько, что грязные голые тела будто слиплись, склеились в общую неподвижную массу. Но один мальчик ухитрился перелезть через периметр и спрыгнуть. Тонкие разрезы, оставленные бритвенными краями пластин, змеились по его то ли очень смуглой, то ли очень грязной коже. Мальчик упал, поднялся и заковылял по дороге. С медленно удаляющейся гусеницы рабы смотрели на него безучастно.

Бородач шагнул навстречу. Мальчик, спотыкаясь и падая, подошел ближе, лег лицом на землю и прошептал:

– Я еще могу работать. Я буду работать.

Бригадир оглянулся на пана, скользнул взглядом по световой пленке между глазами шариками и замахнулся костью. С тихим чмоканьем на теле пана приоткрылись и тут же сомкнулись сморщенные стрекательные губки; почти невидимая, тончайшая белесая нить протянулась от них по воздуху,

и бригадир вскрикнул. На его спине над копчиком возник ярко-красный нарыв, быстро разросся и прорвался кровью. Как лопнувшая мешковина, разлезлась кожа, за ней плоть, и обнажился позвоночник. Бородач упал, несколько раз дернулся и затих.

Сморщенные губки опять раскрылись, следующий плевок угодил мальчику в плечо. Паны могли изменять концентрацию клейкого яда, второй плевков оказался куда слабее. Мальчик скорчился, завопив, стал тереться предплечьем о землю.

По световой пленке медленно расплылись пятна разноцветных сигналов. На лице женщины-бригадира была ярость, но она тряхнула волосами и перевела хриплым от страха голосом:

– Маршрут не крупной особи корреляция пути пана.

Тем временем рабская гусеница проползла мимо и свернула к большому барaku с широким отверстием в стене. От крыши барака тянулись и исчезали в тумане покрытые зеленоватым налетом трубы. Гусеница приблизилась вплотную к отверстию, втянула в тело часть бритвенных пластин и наклонилась так, что люди начали падать внутрь.

– Твое имя?

Одеждой женщине служила лишь короткая грязная рубашка. Щиколотку левой ноги украшало большое ярко-красное пятно.

Мальчик встал на колени, снизу вверх глядя на пана.

– Ян.

– Ему это безразлично. Это я, Багир, – женщина осторожно прикоснулась пальцами ноги к боку бородача с прожженным позвоночником, – хочу знать, кого благодарить за смерть Самсона.

Со стороны большого барака донеслись слабые крики. Отверстие закрылось, гусеница, издав пронзительный писк, тронулась в обратный путь.

Ян смотрел то на пана, то на свое плечо, где дорожная грязь смешалась с кровью, влажной бурой кашницей покрыв оставленный ядом ожог.

– Он сказал, ты идешь с нами.

Живая тележка под паном дрогнула и, тихо шелестя колесами, поехала дальше. Бригадир заспешила следом.

Ян накрыл ладонью рану и пошел за ними. Мимо в обратном направлении проползла гусеница. Из барака донесся приглушенный толстыми стенами гул – там началась огненная газация.

Вот так он и выжил, Ян, темнокожий мальчик, про отца которого почти ничего не знала даже его мать, давно сгинувшая в сырости и вони одного из женских барачков поселения Бра.

На краю Бра, там, где начиналась дорога к городу, раскинулся ночной намест панов, а рядом стояли бревенчатый дом без окон и сарай из веток и полусгнивших досок. В доме жи-

ли бригадиры, в сарае поселились Ян и пришлый старик, а ночью там появилась тележка заезжего пана.

Тем вечером, дойдя до сарая, Ян увидел внутри человека с пятнистой головой и потерял сознание.

Утром оказалось, что раны перетянуты полосками грязной материи. Вокруг Яна, подпрыгивая и пританцовывая, расхаживал рослый тощий старик с головой, усеянной темными пятнами, между которыми росли длинные пучки седых волос. Брови, борода, завязанная внизу узлом, и усы тоже были седыми. В руках старик сжимал палку с железным наконечником – но не острым, а расклепанным так, что полоска железа образовывала зигзаг.

Старик прокричал:

– Нецки! Чистильщик. Зеленестиральщик. Вчера чернокожего привела бригадир. Такая злая. Кто ты?!

– Ян, – ответил мальчик.

Нецки нахмурился:

– Пот и пепел! Ян, вот так?! Почему ты тут?

– Не знаю, – произнес Ян, оглядываясь.

Здесь не было нар, которые поселенцы сбивали для себя в бараках, только устланный высохшей травой пол. В углу стояла живая тележка. Увидев ее, Ян встал.

– Чья она?

Нецки повернулся к тележке. Зигзаг на конце его палки прочертил замысловатую кривую в воздухе.

– Омнибоса. Омнибос – пан, Нецки – его чистильщик, а

это его тележка. Почему Ян черный?

– Я... я не знаю. Я такого цвета. А кто ваш хозяин?

Старик шагнул к тележке.

– Не кричи, Черноян! У Чернояна очень громкий голос. Омнибос – он важный, да, Елена Прекрасная? Омнибос – он важнее всех остальных панов на планете.

– Это его имя – Омнибос?

– У панов нет имен, разве Черноян не знает этого? Паны не здороваются. – Голос старика вдруг изменился, стал вкрадчивым, словно заговорил какой-то другой, более разумный и спокойный человек, сидящий внутри его тела: – Наделенное разумом существо, здороваясь с другим разумным существом, дает понять, что идентифицировало его и приняло к сведению факт его присутствия в обозримом пространстве. Для панов приветствия бессмысленны. Их глаза, Ян. Они не видят. Не воспринимают пространство так, как воспринимаем его мы.

Незнакомец в теле старика произнес эту тарабарщину и смолк, а Нецки вдруг ткнул концом зигзага в бок тележки. Та вздрогнула и с шелестом вжалась в стену.

– Ей же больно! – Ян оттолкнул старика. Обтянутая древесной сеткой розовая плоть казалась мягкой и беззащитной. Мальчик осторожно положил ладонь на теплый бок. Ни глаз, ни ушей, ни ноздрей... все же тележки были не только живыми, но и разумными, хотя для людей выглядели еще более странно, чем паны. От прикосновения тележка задро-

жала, но быстро успокоилась и стала медленно покачиваться из стороны в сторону на хитиновых колесах.

– Тебя зовут Елена? – спросил Ян. – Тебе тоже больно, да? – Он потрогал оставшийся от бритвенного периметра разрез на боку. – У нас сейчас нет тележек, наши паны сами ходят. Вы здесь будете ночевать?

Теплый бок Елены напрягся, вспучился, затем опал, и тележка выпустила под себя струю розовой жижи. По сараю распространился едкий запах. Ян отпрянул, чтобы жижа не обожгла ногу.

– Здесь этого делать не надо, лучше на улице.

– Злая бригадир идет, – произнес старик, и Ян обернулся.

– Багир?

– Багир-Злобагир. Да, та самая, что вчера привела Черно-яна.

Войдя в сарай, Багир сразу же схватила Яна за кучерявые черные вихры на затылке.

– Пришел в себя, гаденьш? А ну, топай!

На пороге она замерла, втянув раздувшимися ноздрями воздух, спросила у Нецки:

– Тележкина жижа?

Но старика в сарае уже не было, и бригадир, за волосы вытащив Яна наружу, поволокла его к ночному насесту панов. Они прошли мимо барахтающихся в грязи свиней, которых разводили поселенцы, миновали газовый барак. В отличие от Нецки, ходившего так, словно все его суставы давно

пришли в негодность и разболтались, Багир двигалась очень целеустремленно, маршировала, а не шла. Во всех ее движениях, в мимике и жестах присутствовало нечто горячее – будто в теле бригадира жило болезненное напряжение и женщина постоянно сдерживала его, вкладывая натужные усилия в каждый свой жест.

За крайним баракком тянулось поле костей, куда выгребали то, что оставалось после газации, а дальше стоял ночной насест. Нецки уже был здесь – ходил вокруг Омнибоса с палкой наперевес и зигзагом счищал с хитина накопившийся за ночь зеленоватый налет.

Несколько панов, постоянно живших в Бра, еще не покинули насеста. Они застыли на сложной конструкции из покрытых слизью керамических трубок, вертикальные концы которых глубоко погрузились в их тела.

Паны «ночевали» – то есть впадали в неподвижность на время, которое могло длиться до двух суток. Никто никогда не видел, чтобы пан «ночевал» в одиночестве, их обязательно было минимум двое. Они всегда соединялись, просовывая трубчатые конечности в тела друг друга сквозь открывшиеся в хитине отверстия, но при этом не совершали никаких ритмичных движений, которые Ян иногда видел в бараках у «ночующих» на нарах взрослых.

В Бра было несколько сотен поселенцев, десятков бригадиров и шестеро панов. Сейчас на насесте их собралось четверо. Сплетясь, они застыли, отчего казалось, что это не живые

существа, а высеченная из шершавого коричневого дерева скульптура, возвышавшаяся над морем тумана.

По глазным шарикам Омнибоса скользнули белесые спирали. Ян понял, что его разглядывают. Или, быть может, «идентифицируют его и принимают к сведению факт его присутствия в обозримом пространстве». Багир громко сглотнула и похлопала мальчика по плечу. Световая пленка пана озарилась всполохами, бригадир, помедлив, перевела:

– Ретрансляция сигналов. Ты... ты будешь его... рупором. Рупор... – повторила она задумчиво. – Ага. Ты – Рупор, теперь это твое имя. Его устраивает... гм, интенсивность генерируемых тобою звуковых волн. Ты будешь создавать... выдавать... выдавать оповещения, понял?

– Нет, – сказал Ян.

– Что тебе непонятно? – Багир дернула Яна за волосы. – У тебя сильный голос. Если нужно что-то объявить, я или другой бригадир скажем тебе, а ты будешь вопить на все Бра. Тебе свезло, черномазый, просто свезло...

Тележка по имени Елена Прекрасная подкатила к Омнибосу. Нецки закончил утренний туалет, пан взобрался на тележку. Его пленка опять засветилась.

– Пусть мужчины выгребут то, что не сгорело, все оставшиеся кости из газового барака, – перевела Багир. – Пан хочет, чтобы костяную пыль собрали в мешки.

Рупор встал посреди дороги и прокричал приказ. Омнибос, оседлавший Елену Прекрасную, находился рядом, и

мальчик очень старался – его звонкий голос разнесся по всему Бра. Потом бригадиры прошли по поселению, согнали самых здоровых мужчин, раздали им сдутые пузыри чинке и отправили в газовый барак.

Вечерами висевшая над землей мутная пелена густела, звуки вязли и умирали в ней, не успевая выйти изо рта. Ян старался, кричал во всю глотку: «Пятеро сильных мужчин на поле костей! Надо набить еще десять мешков!» – и, послушные его крику, темные фигуры брели сквозь туман к полю, куда из газового барака выгребали останки сожженных, брели, чтобы набить костяной пылью, пеплом и золой пузыри чинке. С прибытием Омнибоса в Бра здесь началась бурная деятельность. На следующее утро приползла грузовая гусеница, и пузыри отправили неизвестно куда.

Вечером, когда уставший кричать Рупор вместе с Нецки ел похлебку в сарае, старик объяснил, что тележку жижу можно пить после того, как она остынет. Ян содрогнулся от омерзения и сказал, что он этого делать ни за что не будет, а Нецки, потрясая посохом, прокричал в ответ:

– Пойло мутит разум и сжигает желудок!

То, что тележка жижу мутит разум, мальчик понял по глазам вошедшей Багир. В сарае было темно, лишь в углу светилась тусклая маслянистая поверхность подстывшей жижи да ободья колес Елены Прекрасной еле заметно мерцали. Ян, доев похлебку, собирался лечь спать, когда ввалившаяся бригадир схватила его за волосы и принялась ко-

лотить лбом о пол.

– Почему я не могу убить тебя?! – шипела она. – Ты должен был попасть в газовый барак, так почему ты жив?

– Пот и пепел! – вскричал Нецки и замахнулся на Багир палкой, но бригадир, вскочив, так ударила его кулаком в грудь, что старик упал. Что-то бормоча, он отполз под стенку и затих там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.